

Елена Галинская

Я поведу тебя в музей. Возвращение в шестидесятые

В Израиле в музее города Рамат-Ган проходит выставка
«Одесса. Время и смысл»

Приморский бульвар, аутентичные одесские улицы, памятники, театр, порт, – весь исторический центр Одессы в январе 2023 внесен в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. Так де-юре весь мир признал выдающуюся универсальную ценность нашего города и обязанность всего человечества защищать его. Де-факто же во всем мире об этом знают давно, тут и говорить нечего! Наш любимый альманах «Дерибасовская – Ришельевская» уже много лет участвует в продвижении Одессы по миру, на протяжении всего XXI века он аккумулирует знания об Одессе, и благодаря ему одесситы всех стран могут слушать пульсацию сердца родного города. Альманах выпускает небольшая команда одесских «стариков» – «надежды маленький оркестрик», редут гражданского общества Одессы. Когда 24 февраля прошлого года жизнь опрокинулась вверх ногами, книжки альманаха продолжали выходить в условиях военного времени – № 89, 90, 91, 92, даст бог, выйдет 93-й. Все причастные к выпуску «Дерибасовской – Ришельевской» делают это, несмотря ни на что, с искренностью и оптимиз-





мом. Члены редколлегии как истинные одесситы держат фасон! Я бесконечно восхищаюсь и вдохновляюсь ими и хочу пожелать издателям, а также их писателям долгих лет жизни в украинском городе Одессе. Боже, храни этот город!

* * *

А теперь про выставку в Рамат-Гане – городе, примыкающем к Тель-Авиву и, по существу, продолжающем его. Но сначала необходимое пояснение: официальное название музея в Рамат-Гане – Музей русского искусства – звучит сегодня странно и непрезентабельно. Дело в том, что частная коллекция произведений знаменитых русских художников, принадлежавшая известным меценатам и культурным деятелям первой волны русской эмиграции Марии и Михаилу Цетлиным, в 1959 году (к тому времени Михаил уже умер) была передана в дар Израилю, и на основе этой коллекции в 1996 году был открыт городской Музей имени Марии и Михаила Цетлиных. Выставка «Одесса. Время и смысл» – жест уважения к Одессе и однозначное выражение музеем своей

позиции по отношению к российскому вторжению в Украину, а также знак солидарности с Украиной.

Куратор музея Леся Войскун рассказала мне, что как только началась война, она стала усиленно думать: как музей может отреагировать на это? Тогда-то и родилась идея, а потом и концепция выставки об Одессе, о ее людях и временах, знаках и символах, об их значениях. Постепенно идея обросла плотью, и 1 декабря 2022 года выставка была открыта. Формально она состоит из трех частей: черно-белые фотографии 50-60-х годов фотохудожника Ильи Гершберга, кино, составленное из фрагментов фильма «До свидания, мальчики» (1964) режиссера Михаила Калика, и удивительные черно-белые ковры-картины современной художницы Саши Стояновой. Это формально, но на самом деле выставка предлагается зрителю как единое полифоническое произведение, созданное в музейном пространстве. Итак, фотография, кинематограф, ткачество и три художника, объединенные в одну историю про Одессу. Доминантой и основой выставки являются фотографии 50-60-х годов.





Илья Моисеевич Гершберг (1932-2017) родился в Одессе и начинал свою творческую судьбу в городском фотоклубе «Одесса» в 50-е годы. Неподцензурная и неформальная фотография увлекла молодого человека новыми возможностями открывать целые пласты жизни. В СССР в те годы практически отсутствовала информация о современном мировом искусстве.

Илья Моисеевич вспоминал:

«Мое увлечение фотографией пришлось на первые послевоенные годы. В это время не существовало ни учебных пособий, ни фотоклубов, ни каких-либо курсов. Доступны лишь были старые учебники, где объясняли, как фотографировать на стеклянные пластинки, и перечисляли химикаты для обработки, которые давно исчезли из продажи. Издавался единственный на всю страну журнал «Советское фото» с социально ориентированными производственными фотографиями.

Фотографическая жизнь оживилась в середине 50-х годов. Появились коллеги – любители фотографии, брошюры с элементарными сведениями по фототехнике. Но основной прорыв



в освоении фотографии во всем ее многообразии произошел после начала распространения в Союзе замечательного чешского журнала-ревю «Фотография». Стало ясно, что фотография – это не технический монстр, а искусство. Это была реальная возможность ознакомиться с различными изобразительными течениями в мировой художественной фотографии, поскольку организационные комитеты присылали участникам выставок каталоги».

С этого времени фотография стала основным делом жизни Ильи Гершберга.

Примерно так же шло мое приобщение к живописи. Я всегда любила рассматривать картины, но в моем пересыпском детстве их было мало, и мне приходилось добывать и подсматривать их, где только придется. В детском саду, школе, поликлинике и Доме пионеров, которые я исправно посещала, на стенах висели картины. Это были огромных размеров тусклые репродукции или «великих художников», то есть передвижников, или советских живописцев. Картины «Бурлаки на Волге», «Утро в сосновом бору», «Грачи прилетели», «Девятый вал», «Последний день Помпеи» навсегда врезались в память нескольких поколений советских людей, их взорам они представляли



с календарей, со школьных учебников, со стен совучреждений и квартир совграждан. Я их не любила, они были частью казенных зданий с их холодными вестибюлями, мраморными пустынными лестницами, тяжелыми бархатными драпировками, пыльными кремовыми занавесками, крашеными полами и злыми уборщицами. Боязнь официальных учреждений осталась у меня по сей день.

В детстве я, пожалуй, согласилась бы с Алисой в Стране чудес, если бы была с ней знакома, что «книжка без картинок – книжка неинтересная». В доступных мне тогда книгах иллюстраций было мало, а если нет-нет да и мелькали какие-нибудь картинки, то обязательно подслеповатые и черно-белые, по ним-то я и пыталась представить подлинники! В школьные годы картинок стало больше. Во-первых, я уже посещала художественные музеи, во-вторых, у меня появились невиданные ранее альбомы с репродукциями, правда, в очень небольшом количестве – подарки к дням моего рождения. Альбомы с картинами исключительно русских и советских художников были исключительно плохого качества. Но тут помогла заграница! Как не вспомнить добрым словом незабвенной памяти магазин «Иностранная книга», утолявший жажду знаний нескольких поколений любознательных одесситов! Магазин находился

напротив Горсада на улице Преображенской, тогда она называлась Советской Армии, и я частенько заглядывала туда и выискивала на полках то, сама не знаю что. Увы, все книги были на непонятных языках (венгерском, финском, чешском...), даже угадать название было проблематично. Общение с книгой происходило весьма оригинальным образом – без текста! Тем внимательней и проницательней вглядывалась я в иллюстрации, ища в них объяснение и ответы на сотни возникающих вопросов (кстати, совсем неплохой способ изучения искусства). А уж как запомнились мне картинки из тех книжек! Навсегда! В моем книжном шкафу на дальних полках до сих пор хранятся те иностранные книжки, в которых я впервые увидела картины Моне, Сера, Ван Гога, Модильяни, Шагала, Брейгеля, Тернера, Босха.

* * *

Вернемся, однако, к фотографиям. Гершберг документировал одесскую жизнь зеркальным фотоаппаратом «Зенит» – море, порт, пляжи, дворы, рынки, уличные мизансцены, лица друзей... Его фотографии максимально приближены к реальности, на них запечатлена жизнь как она есть, но в них совсем нет жесткости, присущей сегодняшней действительности. Наоборот, в гершберговских фотографиях много поэзии, эмоций, очарования, и очень узнаваемая городская среда. Его персонажи – обычные люди, они стоят в очередях, торгуют на рынке, гуляют в парке, играют в шахматы, ходят на пляжи и на праздничные демонстрации: фотографии оптимистичны и передают неуловимую «ауру времени» – общее настроение тех лет, получивших неофициальное историческое название «оттепель».

Леся Войскун, составитель каталога выставки «Одесса. Время и смысл», пишет: «Неизменным героем фотографий Гершберга является сама Одесса: ее городские дворики, знаменитый рынок Привоз, одесский порт, пионерские лагеря и черноморские пляжи... Эти работы вызывают ассоциации со снимками «решающего момента» Анри Картье-Брессона, а также напоминают по своей эстетике кадры из фильмов советского кинематографа начала 60-х и итальянских неореалистов, которые превращали обыденное и повседневное в предмет искусства».



Где-то в году 1960 или 61-м мой папа купил малоформатный фотоаппарат ФЭД с ручной установкой выдержки и диафрагмы. С этого момента вся наша семья очертя голову увлеклась фотографированием. Главным фотографом был, естественно, папа. Он любил Одессу и ее пригороды, вообще любил путешествовать, особенно со мной – нам всегда было весело и интересно. Фотографировали мы не только на пленэре, но и дома. Как сейчас помню наши домашние фотосессии на фоне специально для этого развешенной простыни. Мы с мамой очень любили эти мероприятия и тщательно к ним готовились. Мы мастерили наряды, переодевались, обматывались тканями, позировали анфас и в профиль и много смеялись. Папа был счастлив! Эти воспоминания всегда согревают мне душу.

После фотографирования наступало нечто еще более интересное: сначала папа колдовал над проявлением фотопленок, затем они, развешанные на веревочках, сохли по всей комнате (в Одессе всё «сохнут», а не «сушат»), и мы внимательно рассматривали малюсенькие негативы, чтобы узреть в них будущие «шедевры». Кладовка, а уже в новой квартире – ванная комната, на несколько часов превращалась в фотолабораторию. Иногда в эту святая святых папа пускал меня: я стояла, прижавшись к стене, почти не дыша и не смея пошевелиться, – таковы были папины требования. В темноте при свете красного фонаря в ванночке с проявителем происходило чудо появления изображения... Сейчас все те фотографии за редким исключением выглядят серыми, тусклыми, композиционно никудышными, ведь сделаны они были на плохой фотопленке, на плохой фотобумаге с помощью плохих химикатов. Многочисленные фотопричиндалы – экспонометр, увеличитель, фонарь, ванночки, пинцеты, глянецватель, обрезатель и т. п. – долго еще хранились после папиной смерти. Потом все ушло на помойку.

В моем архиве много семейных фотографий. Я их сортирую, подписываю, а многие решительно и бескомпромиссно выбрасываю, но их все равно много и я уже в который раз перебираю груды никому не нужных фотографий. Кто откроет после меня коробку с рассортированными фотографиями? Кто захочет их посмотреть или сохранить? Скорей всего никто, я понимаю, что все они в конце концов станут мусором, и их надо бы уничтожить, но жалко – все-таки жизнь...

* * *

...Хожу по выставке, внимательно всматриваюсь в фотографии, словно заглядываю в поток времени, уносящий от меня все дальше и дальше места, события, предметы, людей «той» Одессы. А в голове крутится совсем не новая мысль: как, в сущности, все коротко, как быстро проходит время, как строг его закон – самое главное уже было, и ничего нового не будет! И в памяти всплывает строчка Юрия Михайлика: «Из тех, кто помнил мой город, остался лишь я один». Илья Гершберг делал фотографии сериями: «Одесские улицы», «Одесские крыши», «Одесские пляжи», «Одесские дворы». Почти каждая фотография вызывала у меня ощущение дежавю и, как «прустовское печенье», открывала



плотину для обвала воспоминаний. Особенно близки мне снимки дворов и моря.

О, море, море! Как много оно значило для меня! С раннего детства я ходила с папой в порт и в ближние Хлебную и Нефтяную гавани. Мы любили стоять на пирсе и смотреть на отходящие пароходы. «Что там?» – спрашивала я, всматриваясь в море, и папа торжественно отвечал: «Там Турция!». В нашу гавань заходили корабли из далеких стран, они стояли на рейде, будоражили воображение, рождали мечты о путешествиях и приключениях.

...Я закрываю глаза и физически ощущаю морской ветер, шум волн, запах водорослей, соленую до горечи черноморскую воду, теплую и мутную у берега, холодную и прозрачную на глубине, раскаленный, обжигающий ступни песок.

Я вижу, будто под увеличительным стеклом, шоколадные гладкие камешки гальки, матовые, обкатанные морем кусочки бутылочного стекла, ракушки, мидии.

...Я вижу, как дрожит полоса лунного света на поверхности моря, и прожекторы сторожевых судов выхватывают из кромешной тьмы нас, сидящих на камнях... Мне вовек не забыть море, лето, детство, счастье!

Оказывается, картинки, виденные в детстве, не стерлись из памяти бесследно. Вот еще несколько, про мой одесский двор.

Мое детство прошло в рабочем районе Пересыпи с приземистыми одно- и двухэтажными домами, квартирами «без претензий», внутренними дворами, крытыми галереями. С улицы во двор входили через тяжелые деревянные ворота, по бокам которых стояли тяжелые тумбы. Это был старый двор, заасфальтированный в центре и поросший травой в закутках, с сине-зелеными импрессионистическими тенями на облупившихся стенах, с многочисленными каменными пристроечками, деревянными верандочками, балкончиками, палисадничками и хлипкими заборчиками, выкрашенными бессмертной зеленой краской. Мне памятлины развешанные по двору веревки с бельем, кран в центре двора, а вокруг него лоханки и ведра, большое дерево шелковицы, дворовые кошки и собаки... Наш двор населяли последние из могикан – люди, пережившие войну и оккупацию. Чуть ли не ежедневно у нас происходили «драмы на море» – ссоры, скандалы, драки, а еще свадьбы, проводы в армию, похороны, поминки. Мы, дети, любили смотреть эти дворовые спектакли.

В центре города я бывала редко, это всегда было связано с такими экстраординарными событиями, как поход в музей, цирк, театр или на демонстрацию трудящихся 1 Мая и 7 ноября. В Город надо было долго ехать трамваем, и для меня это всегда было упоительно-радостным путешествием. Одесский трамвай я вспоминаю с особой нежностью.

Мы с папой любили гулять по улицам и рассматривать дома, несущие печать всех архитектурных стилей. За пышностью парадных подъездов и арок в глубине дворов протекала повседневная жизнь одесситов, именно такая, какой ее зафиксировал фотообъектив Ильи Гершберга. Особенно нравились мне прямые тенистые улицы в районе между Торговой и Преображенской, может быть потому, что здесь, в родильном отделении одесского мединститута на Ольгиевской, я появилась на свет. Почему здесь – не знаю. Так угодно было судьбе, и я на нее не в обиде.

Наши прогулки часто заканчивались в сквере на Соборной площади, где гремела легендарная «фанатка» футбольных болельщиков, и детям приближаться к ней категорически запрещалось. На Соборке можно было покататься на лошадке-пони, запряженной в коляску с кожаными сидениями. Там были дальние аллеи, фонтан, горка, заборчик – там было много соблазнов, и венцом всему – о счастье! – мраморный столик кафе, за которым я ела мороженое в серебряной вазочке или лакомилась пи-

рожным лодочка, запивая сладким ситро с пузырьками. В общем, сквер на Соборной площади не единожды озарял радостью мое детство.

* * *

В начале 60-х годов журналист Евгений Голубовский познакомил Дика (так звали Илью Гершберга друзья) с одесскими художниками-неформалами – молодыми людьми, создающими в Одессе новое искусство, много позже их стали называть вторым авангардом или нонконформистами. Дик дружил со многими из них, посещал их квартиры-мастерские и запечатлел на фотопленку не только их лица, но и многие события художественной жизни тех баснословных лет (знал фотограф или догадывался?!). «Общение с художниками, просмотр работ, комментарии Голубовского стали замечательной школой: развивали художественный вкус, чувство цвета и композиции», – писал Гершберг. В его архиве сохранились снимки «Заборной выставки» – первой не санкционированной художественной акции в СССР. 8 мая 1967 г. молодые художники-авангардисты повесили свои работы на заборе ремонтирующегося оперного театра. Это был акт сопротивления официальному искусству. Выставка продлилась три часа. Сегодня благодаря фотографиям Гершберга мы видим, как это было.



Жизненную и творческую энергию родного города я ощущала с детских лет, но в 60-е я, очевидно, была еще слишком молода, чтобы в полной мере осознать, что в нашем городе создается новое искусство. Мой будущий муж А.Б. Галинский жил на улице Бебеля, 20, а напротив, в доме № 19, жили художники Ястреб и Маринюк, и у них в квартире устраивались неофициальные выставки, но мы об этом тогда ничего не знали. И все же одного художника, стоящего у истоков второго авангарда, я знала. Олег Соколов, поэт и художник, был, по определению Голубовского, «человеком оттепели», он работал в Одесском музее западного и восточного искусства и устраивал у себя дома «квартирники» для одесской интеллигенции. Известно, что Илья Гершберг посещал «соколовские среды». Однажды и меня кто-то из старших друзей привел к Соколову. Из того посещения я мало что и кого запомнила, кроме самого Олега Аркадьевича, с которым мне вскоре предстояли встречи, о чем я тогда и не догадывалась.

В десятом классе я неожиданно для себя оказалась вхожа в полулегальную тусовку, происходившую по вечерам в Музее западного и восточного искусства. Это был Клуб светомузыки имени Чюрлениса, созданный Соколовым, где творческие люди искали связь между цветом, словом и музыкой. И вот здесь я увидела «жизнь других»! На заседания клуба я ходила, как на тайные сеансы спиритизма. «Другим» там было для меня все: и незнакомая музыка, и странные картины, удивлявшие своими пропорциями, ракурсами, цветами, и споры умных, образованных, стильно одетых людей, от которых прямо-таки распространялось электрическое поле, заряженное свободой. Но недолго музыка играла! Эйфорию прервал мой папа, решительно настояв на прекращении моих вечерних посиделок, да и к выпускным экзаменам надо было готовиться. Но все же я успела впитать в себя новые имена, образы, звуки и начала улавливать нездешние сладковатые соблазнительные ветерки, летевшие издалека. Что это было? А это прорывались через границы железного занавеса ветры западной культуры, иной цивилизации. Именно тогда во мне пробудилась жажда иных знаний и иного бытоустройства – личного, отдельного, несколько конфликтующего со всенародно общим. Так я вступила на путь исправления судьбы и приобщения к миру европейской культуры, да и просто – к миру!

* * *

В 1991 году Илья Моисеевич Гершберг репатриировался в Израиль и более двадцати пяти лет работал фотожурналистом и жил в городе Хайфа. Его огромная коллекция аналоговых черно-белых фотографий – настоящая «повесть временных лет». Оригинальные авторские пленочные негативы хранятся в семейном архиве.

Связь черно-белых фотографий Гершберга с фрагментами черно-белого кино «До свидания, мальчики» Калика абсолютно логична и стилистически оправдана.

На выставке в Рамат-Гане фрагменты фильма идут на большом экране прямо в экспозиции, среди фотографий Гершберга. Посетители смотрят прозрачные, освещенные солнцем кадры, полные визуальных метафор, от которых невозможно оторваться: блики на воде, набегающая на песок волна, белый корабль – неповторимый почерк Калика! Есть и еще один участник выставки – музыка Микаэла Таривердиева, написанная к фильму, – нежная, щемящая, прекрасная, о которой Михаил Калик говорил: «Она вытаскивает смысл фильма, его гармонию, его симфоническую структуру построения». Оформление выставки строгое и гармоничное – цвет, композиция, тексты аннотаций, музыка – все вместе создает грустное ностальгически-минорное настроение.

В черно-белую гармонию фотографии и кино включены также две монументальные работы из текстиля современной израильской художницы Саши Стояновой (1957 г. рождения) – «Молитва» и «Ждущие». Стоянова – одесситка, родилась и выросла в Одессе, окончила оформительский факультет Одесского театрального училища и Львовскую академию декоративно-прикладного искусства, работала театральным художником, увлекалась фотографией, дружила с Ильей Гершбергом, а в 1995-м репатриировалась в Израиль. То, что делает Стоянова, описать непросто. Художница тклет огромные ковры – шпалеры, причем все процессы – от крашения шерсти до самого ткачества – она выполняет сама.

Стенные ковры-картины мне очень понравились. В-первых, они черно-белые, как и старые фотографии, и это придает им строгость и аскетизм. В-вторых, в таких, казалось бы,

традиционных вещах, как ковры, она создает обобщенно философские образы, глядя на которые, зритель невольно начинает их интерпретировать, искать глубинные смыслы, аналогии, вспоминать и фантазировать. В-третьих, и это очевидно, художница виртуозно владеет материалом и техникой обработки пряжи, что так необычно в современном искусстве. Чего только стоит так называемая растяжка цвета, переход от холодного к теплomu, от светлого к темному, а ведь это не живопись, Саша Стоянова делает это нитками! В ее арсенале до сорока оттенков серого, да и гамма от коричневого до рыжеватого тоже имеет множество оттенков. Стоянова создала особый художественный язык и сумела текстильные работы поднять до высокой степени искусства.

Шпалеры, создаваемые художницей-одесситкой, известны по всему миру: Стоянова участница многих значимых выставок. Ее произведения художественного текстиля находятся в собраниях Метрополитен-музея, Художественного музея Толедо (Огайо, США), в Тель-Авивском художественном музее и в частных коллекциях разных стран мира. Сложные с высокой степенью обобщения концептуальные образы Саши Стояновой зрители наполняют собственным разнообразным содержанием – мыслями, эмоциями, аналогиями, смыслами, рождающимися в их головах. Названия работ просты, но метафоричны и многослойны. Восьмиметровая «Молитва»: длинный ряд пустых стульев... Это стулья ожидания, стулья, предназначенные для молитвы? Молитвы за здоровье близких? А может, они знак расставания? Ведь овца – архетипический образ и символ жертвоприношения. В работе из серии «Ждущие» (3,5 м) совсем другие тревожно-метафорические образы: земной и скорбный семейный портрет с собакой, похожий на старую фотографию родственников, периодически возникающую в памяти и требующую какого-то ответа. Чего они так безнадежно ждут? Наверное, это воспоминания художницы о ее близких, о доме в Одессе. Облик персонажей в контексте современных трагических событий вызывает ассоциации с беженцами из Украины.

Вот такая одесская выставка открылась в израильском городе Рамат-Ган.

* * *

В 60-х в Одессе было много примет счастья – наша бессмертная юность, наш романтический неунывающий мировой город, наша свобода, наша уникальная история, наше искусство, наше море и лодка под парусом – счастливое будущее не подвергалось сомнению...

Свой очерк я, пожалуй, завершу пушкинским восьмистишием:

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Всё мгновенно, всё пройдет;
Что пройдет, то будет мило.

Тель-Авив

